

УДК 141.1

С. В. Мусатова

(ассистент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: s.v.musatova@yandex.ru**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА КАК
НАУЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация: В статье рассматривается анализ проблемы становления человеческого общества на основании концепций Ф.Энгельса. Проводится сравнительная аналогия с методологией А. Тойнби. Выявляются обобщенные причины развития человечества в историческом аспекте.

Ключевые слова: общество, труд, деятельность, история, цивилизация.

Представления об истории и культуре как собственных формах развития цивилизации возникают, разумеется, далеко не с самого начала возникновения истории и культуры как таковых, а значительно позже. Хотя соответствующие слова в греческом и латинском языках присутствовали еще в античности, но своё понятийное оформление как терминов обозначения «цивилизация» и «культура» стали получать только с XVIII в. Термину «история» повезло больше: уже во времена Геродота (484-425 гг. до нашей эры) возникает то описание, что обычно понимается под историческими текстами или, по крайней мере, принимает форму источника.

Только в Новое время начинают формироваться представления об обществе и истории на нерелигиозной основе, с опорой на естественные причины развития человечества. Географическая среда оказалась первым выделенным сущностным фактором, определяющим историческое состояние общества, который был принят французскими просветителями как решающая детерминанта формы правления народов. «Многие вещи управляют людьми, пишет Монтескьё, – климат, религия, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» («О духе законов», 1748 г.) [1, с. 545]. Этот подход, выделяющий объективную основу развития общества, может быть определен как материалистический, но не исторический. Он в большей степени мог бы быть отнесён к существованию обществ архаического типа, живущих в традиционном укладе, в единстве с природной средой многие столетия и тысячелетия. Тем не менее, это был шаг вперёд по сравнению с мифологическими описаниями циклического движения человечества от золотого века к железному или с христианским повествованием об изначальном грехопадении и грядущем Страшном суде. В обоих последних случаях перед нами присутствует та или иная форма предопределённости и человеку ничего не остаётся, как в скорбях и печалях, осознавая свою ничтожность, до века претерпевать печальный удел «малых сих».

Для действительно научного рассмотрения истории требовалось, во-первых, определить собственную форму развития человечества как отличающуюся от природной эволюции, и, во-вторых, найти в этой форме то основополагающее звено, которое определяет, в конечном итоге, специфику и основные особенности именно исторического бытия. Выполнение первого пункта позволяет преодолеть представление о фатальном действии слепой, довлеющей над человечеством неизвестной

вселенской силы. Второе же ставит исследование истории на её собственную, не мистифицированную основу. Эти два пункта, конечно, взаимосвязаны. Говоря о первом аспекте, Энгельс чётко отграничивает историю от простой эволюции: «Вместе с человеком, – говорит он, – мы вступает в область истории. Люди... чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей степени они делают историю сами..., и тем меньше становится влияние... непредвиденных последствий, неконтролируемых сил...» [2, с. 18-19].

Ф. Энгельс, изучая проблемы социального взаимодействия, акцентирует в своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» внимание на совместной трудовой деятельности людей как определяющем факторе формирования социума и его последующего исторического развития. Он отмечал, что «...развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена» [3, с. 74]. Таким образом, не внешние условия, а именно внутренние, причем, имеющие объективный, материальный характер своего функционирования, становятся определяющими факторами социально-культурного, исторического развития.

Анализируя доисторические ступени культуры Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [4] выделяет три главные эпохи развития человечества – дикость, варварство и цивилизацию. Каждая из них имеет три условно обозначенные ступени – низшую, среднюю и высшую, которые различаются в соответствии с прогрессом в производстве средств к жизни. Именно благодаря этим ступеням происходит развитие семьи (или предпосылки к её появлению), но, безусловно, без точных разграничений – иногда процесс развёртывается на стыке эпох или ступеней одной из них. Кратко рассмотрим выделенные этапы развития человечества.

Период дикости определён практикой преимущественного присвоения готовых продуктов природы, тогда как всё то примитивное, что искусственно создано человеком, является лишь подспорьем в этом присвоении. По-видимому, очень давно люди (или, по крайней мере, их часть) жили на деревьях, благодаря чему им удалось выжить в ареале обитания крупных хищников. Питались они в основном орехами, плодами и кореньями. Одно из главных достижений этого времени – зачатки членораздельной речи. Позже, когда в рационе начинает преобладать рыбная пища (в т. ч. моллюски, раки и др.) возникает необходимость в огне и умении самостоятельно его добывать, что привело также к определённой независимости от климатических условий и рельефа местности. В этих условиях начинается освоение новых земель, происходит создание примитивных каменных орудий, расширяется рацион питания.

Высшая ступень дикости завершается изобретением орудий для охоты, а именно: лука и стрел, что ознаменовало становление охоты как постоянного промысла и образования небольших поселений.

Эпоха варварство знаменует период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью собственно человеческой деятельности. Ширится гончарное производство, и его можно считать первым видом ремесла. Собираательство и охота, в свою очередь, постепенно переходят в скотоводство и земледелие. По сравнению с периодом дикости, где развитие происходило, в основном, однотипно и равномерно, вне зависимости от территории, в период вар-

варварства осуществляется дифференциация любой деятельности в зависимости от характера местности и наличных ресурсов. Таким образом, темпы развития географически различающихся цивилизаций были совершенно разными.

Высшая ступень варварства начинается с плавки железной руды и постепенно переходит на стадию цивилизации благодаря изобретению буквенного письма с его применением для записывания словесного творчества. Самые яркие примеры – это греки героической эпохи, итальянские племена и основание ими Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов. Письменность появилась примерно к 3300 г. до н.э. в Шумере, к 3000 г. до н.э. в Египте, к 2000 г. до н.э. в Китае. Что касается древних греков, то в настоящее время твёрдо установлено, что алфавит не мог быть воспринят ими ранее IX в. до н.э.

С этапом появления цивилизации начинается период, продолжающийся вплоть до нашего времени. Его начало характеризуется развитием практики более качественной обработкой природных материалов, что означает возникновение периода промышленности и в собственном смысле этого слова и как искусства человеческой деятельности.

Некоторые современные авторы полагают, что основной тезис марксизма о развитии обществ заключается в положении о неравном распределении ресурсов. Так, в монографии Чилипенко Ю. Ю. утверждается: «Важной для понимания специфики социального взаимодействия является основополагающая идея марксизма о том, что общество является системой взаимодействий, основанной на неравном распределении ресурсов, что ведёт к эксплуатации и принуждению, а капитализм приводит не только к отчуждению людей от того, что они производят, но и к отчуждению людей друг от друга, что снижает эффективность социального взаимодействия в определённых сферах общественной жизни».[5, с. 15]. Однако, точнее будет говорить не о неравном распределении ресурсов, а о разном отношении к средствам производства с точки зрения владения ими. Именно их сосредоточение в руках класса собственников позволяет им распределять прибавочный продукт в его подавляющем объёме в свою пользу, оставляя наёмному работнику минимальный уровень оплаты.

Касательно же собственно материалистического понимания истории мы читаем у Энгельса: «...определяющим моментом в истории является в конечном счёте производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни...; с другой – производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определённой исторической эпохи..., обуславливаются обоими видами производства... Чем меньше развит труд..., тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» [4, с. 4].

Таким образом, в развернутом определении Энгельса мы нигде не встречаемся с фактором неравного распределения ресурсов.

Позицию классического марксизма на вопрос о движущих силах истории мы, хотя и тезисно, но в целом обрисовали. Каковы же воззрения на эту тему представителей собственно зарубежного интеллектуального сообщества? Возможно, они нашли более глубокое основание истории, разработав иную методологию, подойдя к делу исследования социокультурных, исторических отношений с позиций не исторического материализма, а его антипода, идеалистического воззрения.

Обратимся к фундаментальному труду А. Дж. Тойнби «Постижение истории» [6]. Он тщательно избегает малейшего упоминания о классах, классовых антаго-

низмах, о роли труда, производственных отношений и т.д., но вводит научно не верифицируемые характеристики психологического типа – «вызов–и–ответ», «уход–и–возврат». Тойнби, на первый взгляд, действует строго рационально. Он сравнивает разные методологии, в частности, он привлекает методы классической физики и пишет: «В исследовании положительного фактора мы использовали методологию физики. Мы строили рассуждения в абстрактных терминах и проводили эксперимент с природными феноменами – силой инерции, расой, средой. ...Мы видим, что ошибок больше, чем достижений. ...Предпринимая последнюю попытку..., движемся по пути, указанному Платоном. Отрешимся от формул Науки и вслушаемся в язык Мифологии» [6, с. 106-107]. И в следующем же абзаце Тойнби выдвигает гипотезу относительно генезиса цивилизации как результат «столкновения между двумя сверхчеловеческими личностями» [6, с. 107]. Иными словами, историк встал не то что на донаучную точку зрения, но попал прямо в объятия мифологии со всеми вытекающими последствиями. Попутно заметим ложность дихотомии по выбору методологии, предполагающей одну альтернативу – либо физический подход, либо мифологический. Физика решает задачи исследования природных феноменов, а не исторических и социальных.

Переход от примитивных обществ к цивилизации Тойнби определяет, как действие «творческого меньшинства»: «Характерным типом индивида, действия которого превращают примитивное общество в цивилизацию и обуславливают причину роста растущей цивилизации, является “сильная личность”, “медиум”, “гений”, “сверхчеловек...”» [6, с. 260]. Здесь остаётся один шаг до явного утверждения нацистской идеологии исключительности либо расы, либо нации, либо назначенного «творческого меньшинства», латентно всегда присутствующей в духовном строе западной цивилизации.

Цивилизационная концепция Тойнби наглядно демонстрирует критическую для научного исследования степень идеологичности, которую он совершенно не скрывает. Напротив, и Тойнби, и, в принципе, любой учёный-гуманитарий, относящийся к западно-атлантически ориентированной позиции, действует методологически аккуратно в том смысле, что он тщательно избегает научной марксистской терминологии, выдавая собственные произвольные вариации понятийного аппарата за свободу научного поиска и мнимую беспартийность. Эта ситуация просматривается, подчеркнём, в произведении абсолютно любого автора-апологета существующих общественно-политических порядков. Проиллюстрируем этот тезис ссылкой на статью отечественного ученого, пишущего на темы экологии [7]. В этой работе автор ни разу не упомянул социально-экономические причины экологических кризисов, связанные с коренным антагонизмом общественных отношений. Автор возлагает надежды на чисто научное осмысление экологических тупиков: «Именно социальная экология, - пишет он, - призвана была выявить закономерности развития, обеспечивающие реализацию представлений о "сфере разума", где деятельность социума в биосфере осуществляется на основе принципов рационализации, оптимизации и гармонизации» [7]. Все дело действительного осмысления отношений в системе «человек-общество-природа» сосредоточивается, таким образом, на утверждении такой методологии исследований, которая предполагает наличную историческую практику как результат развертывания исключительно разумной деятельности общественного человека. Разумность предполагает внимание к логической аргументации, исходящей, по умолчанию, из платоновского постулата всеобщего блага. Однако этот постулат, напомним, лежит в основании не суще-

ствующих обществ, а только предполагаемого Платоном наилучшего государственного строя. Это, таким образом, сугубо отвлечённая рационализация, которая становится утопией, как только мы пытаемся представить её как существующей реально. «Сфера разума» в условиях капитализма никак не реализуется через морализующие проповеди надлежащего. Так и получается: «Человеческая деятельность, - пишет Лось В.И., - призвана исходить не из доминанты экономической эффективности или политической целесообразности. В ее основе должен быть положен принцип, в рамках которого выбирается путь развития социума, учитывающий, помимо прочего, необходимость сохранения равновесия исторически сложившихся экосистем» [7].

Морализующее надлежащее, о котором говорилось выше, и есть те упования, которые утверждаются словесными оборотами вроде «призвана исходить» и «должен быть». Кем призвана, почему и отчего до сих пор не «исходит» - всё это не получает действительного ответа. Скрытый же ответ весьма наивен и выражает установки эпохи Просвещения, что-де люди просто не знают этих «новых принципов». Стоит им открыть глаза о том, что надо жить в гармонии с природой, а не, напротив, в дисгармонии, так они сразу проникнутся этой благой вестью и перестанут загрязнять биосферу, прекратят войны и воцарится мир на всей земле. Такое абстрактно-формализованное описание исторических и/или общественно-политических проблем суть не что иное, как возобновление утопической традиции под видом научного анализа.

Подводя итог нашему рассмотрению, можно с уверенностью утверждать, что именно марксистский подход к изучению общественных явлений действительно воплощает научность в исследовании истории, общества и человека, и, собственно, в силу этого является единственно верным, как об этом и говорилось в отечественной социальной философии советского периода. Не следует бояться и избегать этого утверждения, «единственно верное». В конце концов, в естественной науке мало кто из ученых оспаривает, например, «единственную верность» той же механики Ньютона в области её приближений. Более того, последующее неклассическое развитие науки полностью сохраняет это ньютоновское представление как свой предельный случай.

Возвращаясь к теме исторического познания, подчеркнём, что все прочие, немарксистские вариации теоретической мысли при попытке их обобщения ведут в давно устаревшие, фактически архаические способы понимания, имеющие идеологическую религиозно-мифологическую или утопическую природу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Монтескьё Ш.Л. О духе законов // Антология мировой философии: В 4 т. – Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – Москва: Мысль, 1970. – 536-545 с.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Москва: Политиздат, 1982. – 359 с.
3. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения в 3-х т. – Т. 3. – Москва: Политиздат, 1985. – С. 69–82.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – Москва: Издательство политической литературы, 1982. – 240 с.

5. Чилипенко Ю.Ю. Социально–трудовые отношения: теория и практика взаимодействия субъектов в сфере малого и среднего бизнеса: монография / Ю.Ю. Чилипенко – Н. Новгород: Изд–во НИСОЦ, 2015. – 363 с.
6. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П. – Москва: Прогресс, 1991. – 736 с.
7. Лось В.А. – Динамика современной системы экологического знания: между «биологизмом», «социологизмом» и «глобализмом» // Философская мысль. – 2014. – № 2. – С. 1 - 36. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.2.9663 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=9663

S. V. Musatova

(assistant)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: s.v.musatova@yandex.ru

HISTORICAL REPRESENTATIONS OF ENGELS AS A SCIENTIFIC ALTERNATIVE TO FOREIGN HISTORIOGRAPHY

***Annotation.** The article deals with the analysis of the problem of the formation of human society based on the concepts of F.Engel's. A comparative analogy is made with the methodology of A. Toynbee. The generalized causes of human development in the historical aspect are revealed.*

***Key words:** society, labor, activity, civilization.*